

Этноконфликт: модель и ее составляющие

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2005

Естественным было бы ожидать, что предварением к конструированию этой модели послужат некоторые общие рассуждения, но в данном случае будет использован эффект обманутого ожидания, ибо они представлены, например, во «Введении в общую теорию конфликта» [Дмитриев и др. 1993] или в «Этнической конфликтологии» [Сорокин 1994]. Не будут также рассматриваться и такие имеющие непосредственное отношение к *конфликтологии* и *контактологии* проблемы, как структура языкового и неязыкового сознания (см. в связи с этим: [Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова 1994; Михеев 1994]) или характер этносимволов как опорных точек в структуре культурологического пространства (см. по этому поводу: [Шейман 1993]).

Предлагается иной ход рассуждений: с учетом базового контекста (он не очень широк, см., например, [Бернштам 1990; Зубов 1993; Кожин 1990; Крупник 1990; Перепелкин 1991; Федотов 1989; Филиппов. Филиппова 1993; Ферганская трагедия 1990; Человек Мавераннахра... 1990; Шафаревич 199; Шкаратан, Коломиец 1993]), в котором обсуждаются деструктивные ситуации¹, попытаться – в предварительном порядке – представить сценарий душанбинских событий (их описание см.: [Медведев 1990]) в виде ядерных и периферийных составляющих.

Первый ядерный блок: время Икс и место Икс. Выдвижение требований от *А* (потенциальные инсургенты) к *Б* (властям). Тактика отсрочки, используемая властями. Увеличение числа инсургентов. Вторичное использование тактики отсрочки (*критическая фаза*). Первые вербальные и невербальные деструкции.

Второй ядерный блок: выдвижение на место Икс, но уже в *поскритической фазе*, официальных лидеров. Их аргументы и доводы как коммуникативные неудачи. Увеличение температуры деструкций (на поведенческом и нарративном уровнях). Столкновения инсургентов с легитимными формированиями. Начало тотальной деструкции.

¹ Но не только. В рамках этого контекста обсуждается и телеология конфликтов, и их характер, и способы их избегания, а также тот набор причин и условий, благодаря которым они возникают. На мой взгляд, пятая и шестая версии объяснений, предлагаемых И. Крупником [Крупник 1990: 242–246], наиболее убедительны.

Примечание: Критическая и посткритическая фазы сопровождаются сбоями / нарушениями в легитимном управлении (контроле). На посткритической фазе вступает в действие также «механизм» саботирования (игнорирования) фактов деструкции. Сигналы о них (индивидуальные) сознательно или бессознательно отклоняются легитимными инстанциями. На этой же фазе начинается синхронизация действий инсургентов.

Первый периферийный блок.

Примечание: Периферийность не подразумевает незначительности. Периферийные элементы – это сопровождающие элементы «техногенного» характера: фильтрация по знаковым аксессуарам – расовым, имущественным / статусным, конфессиональным: «Там русских начали бить!», «Из окна руку высовывают с тубетейкой – их пропускают...» «Знаком служит также выставленный в окно кулак или белая тряпица на антенне. А если видят, европеец, значит, все – громят...» «Бей бюрократа!!!», «Предатели» – это таджики, которые вышли замуж за русских или женились на русских. Или не знают таджикского языка. Выход один – мимикрировать. Я повесил на балкон таджикский чапан. Ирка вывесила тряпку какую-то атласную, чтобы дать понять, что это таджикская квартира.

Фильтрация начинается на *посткритической фазе* и на *подфазе синхронизации действий инсургентов*. Используются также лозунги («Таджикистан – таджикам»), опирающиеся, по-видимому, на инсургентские программы: «Русские ведут себя, как колонисты, они не признают законных прав других наций! Интернационализм, дружба народов – все это пустая болтовня, под которую нас пытаются усыпить. Семьдесят лет шовинистической русской пропаганды замутили наши мозги... Идет планомерное ограбление республики. Из Таджикистана выкачивается все, что только можно. Один хлопок мог бы принести процветание нашей республике».

Примечание: Конфессиональная фильтрация обусловлена в данном случае ориентацией на субисламские феминизированные ценности, носящие диффузный нон-концептуальный характер: «То, что в обиходе объединяется под словом “ислам”, представляет из себя пестрый набор, куда входят и ортодоксальная вера, и пережитки исламских культов, и местные культурные обычаи, традиции. Это так называемый бытовой ислам. Распространяется он, как это ни покажется странным, женщинами» (см. в связи с этим: [Еремеев 1990]).

Третий ядерный блок: фаза паралича легитимной власти. Выход на сцену конкурентов из легитимной среды («дворцовый переворот»). Параллелизация власти, замаскированная конфронтация, передача полномочий «третьим заинтересованным» (компромиссным) фигурам.

Формирование четвертой власти: «Поняв, что никто их не защитит, люди начали объединяться. В самообороне приняли участие практически все взрослые жители города. <...> Отряды самообороны были созданы в каждом дворе. В новых микрорайонах и рабочих пригородах, где нет замкнутых пространств, люди объединялись в большие дружины, охраняющие всю территорию в целом. <...> К тому времени, как власти опомнились, была создана мощная и сплоченная система».

Примечание: Легитимная власть противодействовала созданию таких отрядов, что свидетельствует, по-видимому, о такой периферийной составляющей конфликта, как *когнитивное неразличение*. Прогностична также и ландшафтная составляющая: новые микрорайоны и рабочие пригороды, контрастирующие с автохтонными средами проживания.

Четвертый ядерный блок: ролевая стратификация инсургентов. Ведущие и ведомые: «Специально стояли бородатые люди: молодежь пытается убежать, а они уговаривают опять идти на штурм ЦК... <...> Они собирались группами по пять-шесть человек. Возраст – двадцать и чуть старше. Среди них выделялся явный лидер, он был сразу заметен. Лидер очень активен и агрессивен. <...> Остальные стоят, вяло переминаются, вглядываются в прохожих. Глаза скорее безучастны. В них не видно ни злобы, ни агрессии, ни вообще какого-то сильного чувства. <...> Среди прохожих появляется русский парень. Его замечают, но никаких действий не предпринимают. Просто смотрят. Лидер бросается к прохожему, валит его на землю и бьет. Тут в дело вступают и остальные, но без ожесточения. Мертвой хватки нет. Они позволяют жертве вырваться и бежать. Не бегут вслед. И вновь, переминаясь, стоят кучкой...»

Второй периферийный блок: использование дезинформации и репрессивных мер в инсургентской среде: «... часть жителей кишлаков... была привезена в город обманом. Как это делается? Собирается кишлак. Двадцать-тридцать человек активистов из местных жителей знают, что затевается, а остальных вводят в заблуждение. Это несложно из-за низкого уровня культуры. Пришли и сказали: “Пойдешь!” Многие пошли под страхом, а других убедили: “Ты мусульманин, соблюдаешь все заповеди Корана, а тут приехали иноверцы, забирают у тебя работу, деньги. Твои дети – босые, голодные, а они разъезжают на машинах...” <...> Они рассказывали, что учатся в ПТУ, а родом из Файзабада. За несколько дней до событий хотели уехать домой. Так их выловили на автобусной станции, надавали по башке и вернули в общежитие. Корооче, сбежать невозможно. Если ты не идешь со всеми, то мало того, что

ты не мужчина, не мусульманин, не таджик, тебе еще просто бьют морду».

Примечание: Помимо физического прессинга и игры на различиях в статусе, и взрослые, и дети, и молодежь «подпитывались» нелегальным групповым мнением, инфильтрованным в эти возрастные группы интеллектуальной элитой. Ее точка зрения, безусловно, является одной из важных периферийных составляющих конфликта: «Ученый из академии рассказывал мне о странных, на мой взгляд, речах, звучавших в последнее время на методических семинарах и партсобраниях. Однажды его коллега заговорил о том, что есть у нас богатые и бедные. И о том, что бедные скоро пойдут отнимать у богатых. “Что значит – отнимать? Как вы это себе представляете?” – спросил мой собеседник. Оратор, спохватившись, ответил что-то невразумительное». «Очень многие, даже те, кто сам не принимал участия в мятеже, приняли его с воодушевлением. И прежде всего творческая интеллигенция.»

Несомненно важна и показательна (прогностична) тактика использования *идентификационных аргументов*, апеллирующих к глубинному слою личности (мусульманин, таджик и т. д.) и указывающих на ее уникальность.

Пятый ядерный блок: соотношение легитимных, инсургентских и криминальных страт. Оно неочевидно (в данном случае), ибо предложено три версии:

(а) криминальные структуры участвовали и инсургенции: «Коли говорить о <...> конкретных событиях <...> надо отметить, что начало их было организовано уголовными элементами, я думаю, что и коррумпированной частью нашего города. <...> Тут же прямо за спиной этих хулиганов и уголовных элементов вышли политические силы <...> в лице временного комитета»;

(б) не участвовали: «... мафии в Таджикистане не выгодны беспорядки и преступный мир заинтересован в стабильности общества. <...> Каждый род, вид и подвид фауны преступного мира, каждый отдельный экземпляр населяет привольно свою экологическую нишу, существуя в полной гармонии с окружающими <...>. <...> серьезные уголовники не принимали участия в грабежах и избиениях. Лютовала шпана»;

(в) криминальные структуры послужили «пусковым механизмом» инсургенции, взаимодействуя и с легитимной властью (с компромиссными фигурами), и с инсургентскими стратами: «Есть сведения, что азербайджанские уголовники <...> обратились к душанбинским с просьбой припугнуть приехавших в Душанбе армян. <...> Организованные группы взламывали двери, врвались в квартиры <...>. <...>

угрожали расправой, требуя от перепуганных людей в течение суток покинуть город. <...>. На следующий день к нескольким сотням <...> присоединялись тысячи молодых людей, частью студенты, но главным образом – ученики ПТУ <...>. На следующий за этим день <...> в дело были брошены новые силы. Из окрестных сел в город прибыло на грузовиках и автобусах подкрепление. Кроме того, на улицы вышли мальчишки из городских махаллей. Кому под силу организация действий подобного размаха?»

Примечание: Все три версии нуждаются в перепроверке, но наиболее вероятной является версия (а). Такую возможность развертывания событий подтверждает и дело Д. Холодова (см. «версия 2» в: «Московский комсомолец» от 19.10.1994, №. 203 (16.960), 1, «Его убили чужими руками. Версия 2»).

Версия (а) стереотипна и однофокусна (как правило, такие версии относятся к разряду дезинформирующих). Версия (б), по-видимому, носит такой же характер, к тому же идеализированный: в ней не учитывается и «беспредел», существующий в современных криминальных сообществах, и возможность одновременной игры на нескольких досках, и, наконец, глубинные установки бластного мира, которые, как бы они ни менялись, вряд ли изменились в корне с шаламовских времен (см. [Шаламов 1989]).

Шестой ядерный блок: культурологические барьеры и различная (полярная?) ориентированность автохтонного и неавтохтонного населения: «В квартирах все разобщены, почти не знают соседей. Русские плохо знают культуру таджиков, и наоборот. Была с самого начала обособленная жизнь, не было стремления вникать в жизнь другого... Позже мне довелось услышать об отношениях русских и таджиков: “Треснувшую пиалу можно склеить, но пользоваться ею уже будет невозможно”. <...> При всем своем недоверии к партийному и государственному аппарату русскоязычное население поддержало в его лице Законную Власть, какой бы она ни была. <...> Чрезвычайное положение определенные руководители использовали для нагнетания обстановки, чтобы ввести в заблуждение русскоязычное население и провести угодных им кандидатов...»

Примечание: Такое распределение ориентаций, очевидно, является тем ферментом, который способствует сохранению конфликта в латентной форме. Можно также предположить, что разнофокусное распределение ориентаций является одной из базовых составляющих *конфликтогенеза*.

Третий периферийный блок: он характерен для посткритической фазы (*подфаза провокаций*): «Когда первый залп дали, они отошли, второй раз не уходят, поняли, что стреляют холостыми патронами. В это время в толпе появились люди с огнестрельными, ножевыми ранениями.» «Я не берусь судить о том, кто начал провокацию с выстрелами в толпе и в толпу.»

В свою очередь, все вышеприведенные составляющие конфликта базируются на тех феноменах, которые составляют **субстратный блок** (блок оснований и причин конфликта). В нем можно выделить следующие подблоки:

1) подблок состояний *хомоландшафтов*: «Когда Средняя Азия была присоединена к Российской империи, в границах современной Ленинабадской области Таджикистана проживало 143 тысячи человек. Среднегодовой прирост населения составлял всего 0,3%. <...> Уже к концу девятнадцатого века население северных районов Таджикистана выросло более чем в два раза»;

2) подблок состояния *биоландшафтов* (и, в частности, *гидроландшафтов*): «Одновременно с ростом численности населения, которое по основным земледельческим регионам возросло более, чем в десять раз, адекватно возросло и количество скота у населения, что привело к практически полному истощению пастбищ, повсеместному нарушению гидрологического режима и к иным отрицательным последствиям»;

3) подблок состояния *геоландшафтов*: «... если сто лет назад в Северном Таджикистане на одного человека приходилось 18 гектаров общей площади, то сейчас – немногим более 1,5 гектара». «Хищническое хозяйничание в регионе, включая добычу полезных ископаемых <...>, <...> выращивание хлопка <...> лишь усугубило проблему. Учатившиеся землетрясения и другие стихийные бедствия <...> были вызваны именно антропогенным воздействием на природу. Например, в 1987 году от селей пострадало свыше ста селений...»

Не менее важное значение в субстратном блоке играют агломерационные стрессы («очень много людей и очень мало земли»), авлодический (общинный) прессинг (патернализм, иерархичность, кастовость), а также традиционистский конвейер престижа: «Звено первое – <...> обряд обрезания, которым отмечается вступление мальчика в мир ислама и на который собирается вся община. Затем свадьба, на нее приглашается весь мир. Обрезание первого сына. <...> Похороны родителей, в которых участвует все село. Свадьба дочери. <...> И, наконец, похороны самого дехкана и поминки, на них сходятся все односельчане. <...> Богатейшее угощение для бесчисленных гостей. Богатейшие по-

дарки. Средства на них собираются годами. <...> Община воспитывает человека так, что в соблюдении грабительских обычаев он видит свой долг, воплощение жизненного успеха. <...> Если кто-то и задумал бы восстать против диктата общественного мнения, такой человек мигом бы уронил свой социальный статус. К нему никто не пришел бы на свадьбу или обрезание. <...> Над ним бы смеялись и презирали его, он тут же лишился бы всякой поддержки односельчан, прежде всего богатых. А без этого в общине не выжить. Даже если бунтарь покинет махаллю, дурная слава догонит его на новом месте.»

Примечание: Помимо предписаний патерналистского, иерархического и кастового порядка, свойственных тем структурам, которые К. Маркс называл *азиатскими формациями* (они, собственно, и являются прообразами современных авторитарно-тоталитарных режимов), весьма существенную роль в общине играет кодекс контрагентов (в нашем материале их называют перекупщиками), а точнее говоря, *кодекс медиаторов*, с помощью которых поддерживаются формальные (деловые) и неформальные (межличностные) отношения между теми или иными стратами. На них, по-видимому, могли опираться как легитимные, так и криминальные и инсургентские страты.

Не менее важное значение следует приписывать конфессиональным (исламским) установкам, коррелированным с ментальными ценностями и предпочтениями: «Наш культурный генотип формировался на протяжении столетий в тесной взаимосвязи с той или иной религией. После революции <...> силой стал навязываться вариант крайне секуляризованной европейской культуры. Но Восток во многом еще живет в прошлой системе ценностей, поскольку для усвоения светского или секулярного образа мышления нужно время. <...> И отдельные священнослужители, и церковь в качестве политической и общественной силы приняли участие в событиях <...>. Выступления были не русскими, а антикафирскими. “Против неверных”, – определил один университетский преподаватель. Били и раздевали догола девушек-таджичек, одетых не по-мусульмански, то есть с короткой стрижкой и без изоров-штанов, закрывающих ноги. <...> “Бюрократа” определяли по галстуку. Кафира узнавали по одежде.»

Примечание: Эти цитаты, по-видимому, следует рассматривать как одно из весомых подтверждений в пользу того, что *мера витрификации* (о витрификации см.: [Сорокин 1994, 18–19]) есть мера латентной конфликтности той или иной лингвокультурной общности. Иными словами, она является знаком-указанием (*диагностивом*) на жесткий, полужесткий и мягкий характер возможных деструкций.

Завершая реконструкцию модели этноконфликта, я хотел бы указать на пилотажность выделенных ядерных и периферийных составляющих и на их неполноту. В частности, можно считать правомерным выделение такого периферийного блока, как блок альтруизма (жертвенности), на который – достаточно скупо – указывается в проанализированных материалах. Несомненно также, что должен быть представлен блок отталкивания или притяжения (существовавший изначально или возникший в ходе стабилизации конфликта) автохтонных и неавтохтонных слоев населения к миротворческим силам (есть основания утверждать, что элементы, входящие в него, окажутся аксиологически разными для ферганского, бакинского и тбилисского вариантов).

Необходимо учитывать взаимопересекаемость блоков, их наложение и взаимодействие в процессе конфликта. И в то же время взаимозависимость. Короче говоря, нужна динамика их облигаторных и необлигаторных элементов. Важно также проверить релевантность их «полевым» путем, например, предложив группе испытуемых проиграть конфликт и наметить ход его развития, выясняя, какие ядерные и периферийные блоки будут учитываться, насколько конфликт будет жестким и какие варианты его развития предложат испытуемые.

Не менее важно проанализировать и сопоставить все классы конфликтов, коррелируя и уточняя эту модель и строя новые гипермодели.

Л и т е р а т у р а

- Берштам М.* Сколько жить русскому народу. Размышления американского демографа // Москва. 1990. № 5.
- Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
- Еремеев Д. Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
- Зубов А.* Украина: опыт самообретения // Октябрь. 1990. № 9.
- Кожин В.* Неосновательные прогнозы // Октябрь. 1990. № 8.
- Крупник И.* Семь объяснений // Дружба народов. 1990. № 11.
- Михеев А. В.* Динамика структур группового сознания (по данным ассоциативных экспериментов) // НТИ. Сер. 2. 1994. № 4.
- Перепелкин Л. С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. Т. 1. 1992. № 1.
- Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- Федотов Г. П.* Россия и свобода // Наш современник. 1989. № 8.
- Ферганская трагедия // Дружба народов. 1990. № 11.
- Филиппов В. Р., Филиппов Е. И.* Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России. Т. 2. 1993. № 1.
- Человек Мавераннахра: миражи и реальность // Дружба народов. 1990. № 1, 12.
- Шафаревич И.* Русофобия // Наш современник. 1989. № 6.
- Шаламов В.* «Сучья» война. Очерки преступного мира. М., 1989.
- Шейман Л. А.* Проблемы и перспективы педагогической этносимвологии // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 1993. № 3–4.
- Шкаратан О. И., Коломиец В. П.* Крах во спасение (социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. Т. 2. 1993. № 1.